

Потенциал современной зарубежной социологии в исследовании социального страдания

Е. А. Попов

Алтайский государственный университет,
Российская Федерация, 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61

Для цитирования: Попов Е. А. Потенциал современной зарубежной социологии в исследовании социального страдания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15. Вып. 3. С. 206–223. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.302>

В статье сделан акцент на концептуализации социологии страданий. Зарубежный опыт развития социологии страданий рассматривается в теоретическом и прикладном аспектах. Современные исследователи в понимании социального страдания делают акцент на психологической или антропологической трактовках, но потенциал соответствующей отрасли социологического знания с течением времени наращивается. Между тем научная проблема связана с двумя обстоятельствами, которые отражены в настоящей статье. Во-первых, речь идет о необходимости конкретизировать роль социологии в изучении феномена социального страдания. Нередко преобладающие философская и психологическая трактовки страдания не позволяют этого сделать. В них социальное страдание предстает как экзистенциальное состояние индивидов или феномен их эмоционально-чувственного напряжения и переживания. Однако в социологии страдание нуждается в объективации и рассматривать его только как экзистенцию непродуктивно для соответствующих социологических исследований. Во-вторых, современные исследования социального страдания носят преимущественно междисциплинарный характер и не отражают особой роли в них именно социологии. В статье показано, что зарубежная социология страданий обращает внимание на достаточно широкий круг явлений, с которыми связано возникновение социального страдания. Здесь имеются в виду цивилизационный аспект, ценностно-нормативный, социокультурный и др. Также дается оценка роли качественных и количественных методов в исследовании социального страдания. Качественные методы (например, ивент-анализ, интенциональный анализ и другие) позволяют представить социальное страдание через призму объектно-субъектных отношений. В связи с этим проанализированы некоторые современные исследования социальных страданий, которые позволяют вести речь об активном развитии соответствующей отрасли социологического знания.

Ключевые слова: социальное страдание, социология страданий, причины страдания, социальная боль.

Введение

Внимание к проблематике социального страдания со стороны современной науки можно объяснить несколькими причинами: во-первых, объективными процессами, свидетельствующими о присутствии социального страдания в повседневной жизни индивидов и общностей (на это обстоятельство, в частности, указывает Ф. Фурэди (F. Furedy): «...благополучие и легкость бытия совсем не отменяют социального страдания — каждый человек и каждое общество испытывают на себе

тяготы экономических, политических и других воздействий, таким образом, люди приобретают бремя страдания» [1, р. 44]. Во-вторых, демаркация различных социальных потрясений или испытаний вполне может осуществляться на уровне идентификации социального страдания. Так, например, опасность и риски создают условия для закрепления страдания, социальная мифология, длительное время определяющая коммуникации и общественные отношения, также может оцениваться через социальное страдание и т. д. С этой точки зрения обращение социологов к феномену страдания дает возможности конкретизировать проявления самых разнообразных явлений коллективной и индивидуальной жизнедеятельности человека. На данное обстоятельство внимание обращает С. Флик (S. Flick), полагая, что «социальное страдание не замыкается в одном измерении и, захватывая многие сферы бытия, является их отражением» [2]. В действительности социологи, исследуя рассматриваемый феномен, могут рассчитывать на получение эвристически значимой информации по широкому кругу явлений, так или иначе соотносимых со страданием, — это социальная боль, социальная опасность и безопасность, социальный риск и т. д. Кроме того, в одном из исследований социального страдания в привязке к происходящим в Западной Европе политическим трансформациям были приведены данные о том, что популярность темы социального страдания возрастает не только в связи с усилением в мире социальной напряженности и сопутствующего ей отчуждения, но и потому, что страдание захватывает ценностно-смысловую специфику бытия, становясь маркером справедливости — несправедливости, добра — зла, нравственности — безнравственности и т. д. [3, р. 9].

Социальные теории страданий не новы для науки. К примеру, в известной книге Франца Карла Мюллер-Лиера (F. C. Müller-Lyer) «Социология страданий» (1925 г.) рассматриваемый феномен соотносится со многими явлениями человеческого бытия (злом, конфликтами и др.), дается классификация страданий, описываются методы их исследования, затрагиваются вопросы соотношения медицинского и социологического подходов [4]. Собственно, сложившаяся в русле социологии страданий и медицинской антропологии XX — начала XXI в. дискуссия во многом стала отправной точкой осмысления обозначенной в настоящей статье проблемы. Я сконцентрировался на опыте зарубежной социологии, поскольку она предлагает наиболее востребованные современные методики исследований (например, ивент-анализ, интенциональный анализ и т. д.) и достаточно широкий пространственно-временной срез проблематики. Кроме того, эти методики заметно отличаются от социально-психологических, которые преобладают в исследовании страдания. Не столько описание конкретных достижений западной отраслевой социологии становится предметом моего внимания, сколько оценка наиболее продуктивных в научном плане исследовательских направлений, которые могут быть взяты на вооружение и в случаях междисциплинарного анализа, и в условиях предметного изучения в той или иной области знаний. Отечественная наука также не оставляла без внимания данный объект изучения. Стоит отметить, что в трудах ряда авторов [5–9] к страданию как объекту исследования применяются различные подходы, например, страдание вкупе со злом рассматривается в социологической традиции Э. Дюркгейма (E. Durkheim) и т. д.

Между тем некоторые зарубежные авторы, занимающиеся в основном исследованием проблематики человеческой боли, обратили внимание на то обстоятельство, что им явно недостает социальной или даже социологической рефлексии в позна-

нии болевого феномена. С этой точки зрения роль социологии, которая стоит на страже интересов общества, социальных групп и индивидов, потенциально находящихся в ситуации страданий, многократно возрастает. На этот счет профессор Кентского университета И. Уилкинсон (I. Wilkinson), например, подчеркивает, что «социологический ракурс осмысления социального страдания дает возможность индивидам избежать серьезных последствий, ведущих к десоциализирующим трансформациям» [10, р. 33]. С другой стороны, профессор Гарвардской медицинской школы А. Клейнман (A. Kleinman) замечает: «Боль давно вышла за пределы самого индивида и распространилась повсеместно как явление социального порядка наряду со страхом, риском, опасностью, а следовательно, она не может больше оставаться исключительным объектом физиологии, медицины и все более нуждается в социальном акцентировании...» [11, р. 187]. После этого в дискуссию были вовлечены представители медицинской антропологии, которые посчитали тезис Клейнмана небезосновательным и заслуживающим конструктивного отношения к обозначенному исследовательскому направлению. Так, например, данный тезис поддержали М. А. Флеминг (M. A. Fleming) [12, р. 64–75], Б. Дж. Гуд (B. J. Good) [13, р. 70–80], С. Моллер (S. Moeller) [14, р. 100–105] и др. Байрон Гуд определил понятие социального страдания следующим образом: «...мы можем назвать социальным такое страдание, которое является откликом индивидов на те или иные вызовы современности, такой отклик может быть острым переживанием, внутренним или внешним сопротивлением и т. д.» [13, р. 77]. Дискуссия ученых обозначила интерес к междисциплинарному характеру исследований страдания: «...социальное страдание и боль могут стать важными объектами междисциплинарных исследований, своего рода поворотом от медицинской антропологии, сделавшей ставку на изучение темы происхождения и восприятия боли через призму ценностей и норм, в сторону их социального осмысления и последующей идентификации как сложных общественных феноменов» [15, р. 427]. По сути, сложившаяся дискуссия способствовала укреплению в науке позиций социологии страданий. В настоящее время заметным является взаимодействие данной отрасли социологии с медицинской антропологией и антропологией страданий [16, р. 202; 17, р. 12; и др.]. Иэн Уилкинсон видит в антропологии своего рода союзника социологии страданий [10, р. 79].

Примечательно, что в границах антропологии страданий появилось понятие страдательной эпохи, которое антропологи связывают с особенностями проявления страданий. В частности, Сьюзен Зонтаг (S. Sontag) в своей работе «О боли других» обозначила возможности и перспективы использования концепта страдательной эпохи как рубежа тысячелетий, «затронутого серьезными социальными и онтологическими потрясениями, которые лишь подтверждают, что бытие перерастает в безграничное страдание, а само время получает как будто бы страдательный залог» [18, р. 66]. Данный концепт, по всей видимости, следует оценивать с критической точки зрения: он, вероятно, не отражает всей полноты оснований для проявлений социального страдания. По этому поводу В. Дэс (V. Das) справедливо признает, что понятие страдательной эпохи нуждается в соответствующем глубоком исследовании и осторожных интерпретациях [19, р. 570]. В то же время некоторые исследователи полагают, что «страдательная эпоха» может быть противопоставлена периоду расцвета потребительства, комфорта, благополучия и т. д. [20; 21].

Проблема, рассматриваемая в статье, таким образом, восходит к оценкам потенциала зарубежной социологии страданий, в рамках которой проводятся любопытные эмпирические исследования — некоторые из них будут представлены далее. Подчеркну, что я не ставлю цель всестороннего изучения самого феномена социального страдания — для этого потребовалось бы совершенно в ином ключе, нежели в том, который предлагается в этой статье, оценить все возможные предпосылки и результаты страданий. Цель иная — показать возможности социологии в изучении данного феномена на современном этапе. Данный ракурс исследования необходим, как я полагаю, по той причине, что, с одной стороны, психологический аспект не описывает в полной мере феномен социального страдания, а с другой стороны, именно перед социологией раскрываются возможности раскрыть механизмы социального страдания и предложить способы минимизации последствий от распространения данного явления. Далее я продемонстрирую случаи, когда зарубежная социология страданий сталкивается с некоторыми сложностями методологического свойства, которые могут повлиять на итоговые результаты исследований. Внимание к этой стороне проблемы имеет значение для дальнейших исследований страданий в социологической науке и на междисциплинарном уровне. Исходя из этого, представляется возможным сформулировать и главную цель настоящей статьи — показать теоретико-методологические и эмпирические возможности зарубежной социологии страданий. По сути, речь идет о концептуализации отраслевой социологии, которая в зарубежной (американо-европейской) традиции стала стремительно наращивать свой исследовательский потенциал.

За основу для рецепции обозначенной проблемы я беру следующее определение социального страдания, которое, на мой взгляд, удовлетворяет нескольким требованиям в части социологического изучения: «...социальное страдание — это коллективное отношение к системе ценностей и норм как ответ на вызовы социально-экономического и социально-политического характера, формируемые на протяжении длительного времени» [22, р. 70]. При такой трактовке социологи получают возможность привязать понятие социального страдания к объективным процессам современности, которые могут его вызывать. Кроме того, ценностно-нормативный аспект открывает перспективы для прицельного исследования социального страдания, когда социолог может по срезу ценностей и норм, доминирующих в том и ином обществе, сделать вывод о специфике социального страдания. Например, если речь идет о том, что в обществе проявляется антидемократический режим и соответствующие ему ценности и нормы, то социологи вполне могут рассмотреть гипотезу о преобладании в таком обществе социального страдания, проявляющегося не только латентно, но и открыто.

Имеет смысл пояснить, в каком ключе будет использоваться понятие страдания. Как известно, оно прочно закрепилось в психологии в качестве определенного состояния индивида, но меня интересует другой аспект — социальный. С этой целью я буду опираться на следующую интерпретацию: «...мы видим в социальном страдании результат воздействия на индивидов, общности или общество в целом со стороны различных структур, и это влияние в конечном итоге формирует определенное отношение к миру, но выжидательное, недоверчивое, осторожное, отчужденное. Эффект не заставит себя долго ждать — социальное страдание быстро распространяется повсеместно и может обернуться серьезным кризисом во взглядах,

идеях, отношении к реальности...» [23, р. 78]. Кроме того, следует иметь в виду, что за объектно-предметную специфику с социологией страданий могут конкурировать, например, социология зла, социология риска или социология опасности, однако, по определению Н. Шепер-Хьюз (N. Scheper-Hughes), у социологии страданий имеется по крайней мере одно значительное преимущество: она ставит задачу по конкретизации социального страдания, выделения его субъектов и объектов и исследованию возникающих между ними отношений, вызывающих в том числе и социальное страдание [24, р. 131].

Зарубежная социология страданий: теоретические задачи

В 1999 г. Пьер Бурдьё (P. Bourdieu) и А. Аккардо (A. Accardo) выпустили книгу «Тяжесть мира: социальные страдания в современной жизни», задав определенную тональность в исследовании страданий [25]. Были выделены несколько особенностей, позволяющих идентифицировать субъектность социального страдания. Прежде всего, речь идет о причинении социального страдания: «...оно не возникает само по себе как данность в ходе развития общества, оно детерминировано процессами, затрагивающими социальную структуру» [25, р. 140]. Кстати, о причинении социального страдания как целенаправленном действии субъектов, решающих, возможна ли свобода или несвобода для индивидов, писала С. Зонтаг [18, р. 27–29]. Бурдьё также рассматривал свободу как механизм дифференциации социального и индивидуального страдания: в первом случае появляется элемент несвободы, проявляющийся с особой силой, во втором случае индивид может лишь субъективно оценивать свою свободу-несвободу, что само по себе не является причиной для страдания, а скорее основой для его морально-нравственного выбора [25, р. 154]. Кроме того, в книге о тяжести мира социальное страдание идентифицируется как «состояние, исходящее от субъектов, нацеленных на его причинение; в качестве таковых могут выступать власть, маргинальные общности и т. д.» [25, р. 160]; пожалуй, данное положение является наиболее привлекательным для исследовательских стратегий социологии страданий.

Бурдьё склонен полагать в связи с этим, что в исследованиях страдания часто используются наработки психологов, для которых страдание есть чувственно-эмоциональное состояние наряду с другими ему подобными, а между тем «тяжесть мира» измеряется такими страданиями, которые исходят от кого-либо, им конкретизируются и проявляются во вполне конкретных вещах: «...конечно, страдание порождает отчуждение и закрытость, но если мы хотим узнать, что это такое, то обязательно столкнемся со сложностями, потому что отчужденность — это прежде всего экзистенция, и к ее восприятию не все готовы» [25, р. 172]. Вопрос о субъектности (о «причинителях») социального страдания, таким образом, французским мыслителем и его коллегами ставится во главу угла, когда необходимо провести соответствующее исследование.

Что касается объектно-предметного пространства социологии страданий, то здесь можно обратиться к точке зрения Л. Болтански (L. Boltanski), полагавшего, в частности, что в измерении страдания роль социологии сводится не только к тому, чтобы зафиксировать его в данный момент, но и оценить отдаленные последствия и проявления страданий, ставших уже неотъемлемой частью социаль-

ной реальности; для этого «социология в изучении страданий должна следовать своему предназначению: во-первых, иметь дело только с социальными фактами, связанными со страданиями, а во-вторых, оценивать конкретные проявления страданий с точки зрения субъектно-объектных отношений в социуме» [26, р. 33]. Я склоняюсь к тому, чтобы согласиться с исследователем и именно в предлагаемом им ключе рассматривать объект и предмет социологии страданий: объект — «социальные факты, связанные со страданиями», а предметная область — причины и причинители социального страдания.

На две из таких задач указывает ряд авторов, исследующих насилие и страдание как взаимосвязанные социальные явления:

1) социологический взгляд должен интерпретировать все возможные консолидирующие и разделяющие индивидов аспекты страдания и насилия: «...важно не только уметь определять указанные состояния на основе каких-либо им присущих признаков, но большее значение имеет необходимость выявить факторы, на основании которых страдание и насилие объединяют людей или, напротив, стремительно их разводят по разные стороны баррикад» [19, р. 577];

2) страдание становится безусловным феноменом для исследования социологов, и они при этом «должны подтвердить, что природа данного феномена не столько чувственная, психическая, сколько социальная: социальное страдание присуще любому социуму, однако это вовсе не значит, что оно возникает само собой; на то могут быть свои причины...» [19, р. 578].

Что касается первой из указанных задач, то она, скорее, носит теоретико-эмпирический характер, поскольку затрагивает «факторы объединения людей», но в то же время нуждается в дополнительной рефлексии проблема консолидации или отчуждения, требующая построения соответствующих теорий. В частности, на этот счет свою теорию выдвигает А. У. Франк (A. W. Frank), утверждающий, что социальное страдание может объединять людей только в случае опасности или угрозы жизни, правам и свободам, а во всех остальных случаях оно, скорее всего, будет только усугублять разрозненность и отчужденность [27, р. 358]. Между тем вторая теоретическая задача может определять целый пласт социологических построений в связи с определением причин и субъектного характера социального страдания. И у социологов по этому поводу имеются свои соображения. Так, например, М. Дуглас (M. Douglas) склонна считать, что страдание возникает в силу вины, испытываемой индивидами из-за невозможности противостоять социальной опасности, кризисам, катастрофам, застою и, напротив, чрезмерно бурному прогрессу; в этом случае, рассуждает исследователь, важно обратить внимание на ценности, присущие тем, кто страдает от вины, и тем, кто вносит свою лепту в разрастание кризиса, опасности и т. д. При этом подчеркивается необходимость исследований социокультурной направленности, так как ключевым инструментом осмысления страдания становятся ценности [28, р. 43].

В зарубежной социологии страданий в качестве шаблонных примеров социальных страданий рассматриваются случаи, описанные рядом авторов. Так, наиболее распространенным примером называется социальная реакция индивидов на те или иные события, вызывающие страдания:

- публичные манифестации как реакция на произвол со стороны власти;
- военная ситуация как реакция на этнические конфликты;

- социальная напряженность как реакция на трансформацию принципов социальной справедливости и др. [23, р. 66–68].

Шаблонность примеров указывает на то, что в действительности социологи часто идентифицируют социальное страдание по вполне конкретным проявлениям поведения индивидов.

Пожалуй, в зарубежной социологии страданий ведущее место в качестве определяющего механизма возникновения социального страдания занимают ценности. Через несовпадение ценностей между теми, кто охвачен страданием, и теми, кто его так или иначе причиняет, идентифицируется само явление социального страдания. Ценности контркультуры, как показывает в своем исследовании К. А. Хаймер (С. А. Heimer), абсолютно точно указывают на тех субъектов, которые способны причинять страдание: преступники, маргиналы, тираны и т. д. Они наделяются определенным «социальным статусом, но также и специфическими ценностями, среди которых особое место может занимать именно причинение страдания» [29, р. 500]. Кроме того, исследователь убежден, что роль социологии в изучении данного феномена не должна ограничиваться только лишь «сбором ценностей» от разных социальных общностей и их представителей — особое значение приобретает «решение вопроса о ценностной определенности социального страдания, когда можно точно будет установить границы данного явления» [29, р. 502].

Как видим, теоретические задачи, стоящие перед социологией в целом и ее отраслью — социологией страданий, имеют большое значение для понимания «границ» страдания как вполне конкретного феномена, имеющего свои признаки, по которым его можно идентифицировать и в дальнейшем продуктивно изучать в рамках социального знания.

Ивент-анализ и позиционный анализ в исследовании социального страдания

Практический опыт соответствует одной из ключевых задач по конкретизации социального страдания — выявлению признаков его субъектности. В основном речь в таких исследованиях идет о субъектах социального страдания, а не о самом феномене как таковом. Именно *субъектность* социального страдания, а точнее, цель, связанная с выявлением таких субъектов, чаще всего обнаруживается при проведении эмпирических исследований соответствующей направленности. Авторы исследований опираются на методiku ивент-анализа (событийного анализа), которая позволяет установить закономерности между событиями, происходящими в коллективной или индивидуальной жизнедеятельности людей, на первый взгляд, не соотносимыми друг с другом. Указанные свойства убедительно раскрываются, например, в результатах исследования 2014–2016 гг. на тему «Социальная боль: моральный статус» («Social pain: Moral status») [30]. На основе ивент-анализа, обращенного к имеющим значение событиям и фактам, показано, что «предельность социального страдания опирается на конкретные события, повлиявшие на их многократное воспроизводство: к традиционному морально обусловленному выбору между добром и злом добавляются наращивание богатства, стремление любой ценой получить выгоду, злоупотребить доверием и т. д.»; при этом подчеркивается, что за каждым событием или фактом причинения социального страда-

ния стоит конкретное лицо, как правило, «осознающее характер своего влияния на индивидов или группы и тем самым имеющее реальные возможности усугубить страдание, распространить его на как можно большее число людей» [30, p. 111, 113].

Событийный анализ (ивент-анализ) в итоге позволяет судить о том, какое количество событий экономического, политического или иного характера оказывает влияние на возникновение и распространение в обществе социального страдания. Судя по всему, степень социального страдания возрастает не только от качества событий, но и от их количества.

К примеру, в еще одном исследовании на основе ивент-анализа обобщены события с наиболее выраженными последствиями социального страдания. Авторы рассматривали широкий срез европейских политических событий конца XX в., оказавших воздействие на общество и причинивших людям социальное страдание. Одним из таких событий признан так называемый Brexit (выход Великобритании из Европейского союза) как первый признак надвигающегося разделения единой Европы. Ивент-анализ позволил выявить событийные ряды, которые наиболее трагично в социальном масштабе трактовались СМИ: девальвация валюты, утрата связей и контактов, нарушение целостности экономического взаимодействия и т. д. Авторы дополнили ивент-анализ массовыми опросами жителей европейских стран с общим числом респондентов более десяти тысяч, а также обратились за экспертным мнением к политикам, деятелям науки, культуры и т. д. Были установлены рамки социального страдания, причиненного политиками, поставившими «цель не просто усомниться в значимости европейского консенсуса и социального единства и партнерства, создаваемых в течение длительного времени с таким большим трудом, но и ввергнуть население в страх и страдание». Исследователями также были названы индивидуализированные (или личностные) последствия социального страдания: сложный морально-нравственный выбор, отчужденность и скепсис, мелкие и крупные нарушения закона, недоверие и др. [23, p. 217].

На примере этих двух исследований мы обнаруживаем тенденцию к описанию пределов рассматриваемых явлений в их связи с субъектами, причиняющими страдание и боль. Авторы, обобщая результаты своей научной деятельности, особо подчеркивают, что наилучшим вариантом разработки темы социального страдания может стать субъектно-объектный подход, позволяющий «не угадывать бытийные истоки социального страдания, когда любой жест или мнение будут этому способствовать, а обращаться к реальным фактам и учитывать обстоятельства»; также они полагают необходимым использовать потенциал социологии и психологии в исследовании социального страдания и социальных рисков [30, p. 109, 110].

Усиление страдания в современных условиях обнаруживает автор ряда других исследований, базировавшихся на социокультурном и цивилизационном подходах и методике позиционного анализа (основанного, как известно, на концепции социального пространства П. Бурдьё), Д. Моррис (D. Morris) [31, p. 63–74; 32, p. 31; 33, p. 105–108]. Оценивая роль каждого участника «в кругу социального страдания» и при этом апеллируя к культурным универсалиям, оказывающим влияние на этот «круг», Дэвид Моррис показывает, что именно социальное страдание обладает статусом социокультурной универсалии, которая на протяжении развития цивилизаций сформировала устойчивые группы «причинителей страдания» и «страждущих». Как отмечает исследователь, между ними установились настолько прочные

связи, что разомкнуть их уже невозможно, а значит, социальное страдание именно по этой причине рассматривается как неизменный спутник человечества в течение многих столетий [32, р. 42]. Сопоставляя вторичные данные, полученные в ходе проведения некоторых рандомизированных (групповых) исследований «расстановки сил в социальном пространстве», ученый приходит к выводу, что социальное страдание имеет мощный потенциал объединения людей, оказавшихся не просто в трудной жизненной ситуации, но подвергшихся воздействию со стороны «причинителей страдания» — политиков, маргиналов, преступников, разветвленных криминальных кланов и т. д. [33, р. 122–124]. Исследователи, таким образом, решают важную задачу — конкретизировать социальное страдание, по сути, перевести его в разряд объективных явлений, которые поддаются социологическому измерению и становятся более понятными в содержательном ключе.

Авторы исследований учитывают при изучении социального страдания с применением позиционного анализа цивилизационный признак социальных изменений: «Цивилизация создана для того, чтобы спасти каждого и всех от рисков и опасностей, от нужды и страданий...» Если же «меняется облик самой цивилизации», то «вместе с ней меняются и социальные отношения, которые теперь выполняют не функцию спасения, а функцию деконсолидации для индивидуально-го, а не общего сопротивления таким изменениям» [33, р. 128]. Иными словами, субъекты социального страдания, по мысли Д. Морриса, ставят цели разомкнуть круг объединения людей, чтобы тем самым спровоцировать значительное усиление и укрепление социального страдания. Таким образом, усиление социального страдания направлено прежде всего на деконсолидацию, а не на еще большее усиление страдательности и соответствующих ему социальных настроений. Полагаю, что работы Д. Морриса раскрывают важный аспект социологии страданий — они подчеркивают необходимость масштабирования проблематики в русле развития культуры и культурных ценностей: с одной стороны, социология страданий должна прицельно изучать указанный феномен, но с другой стороны, она не может оставаться в неведении относительно тех процессов, которые влияют на конкретизацию социального страдания и выявление его субъектности. Как считают некоторые исследователи, социология должна ориентироваться на ценностно-нормативные изменения, происходящие в страдательную эпоху, и это даст ей заметные преимущества, например, перед психологией или антропологией в интерпретации свойств социального страдания [34, р. 144].

Как видим, ивент-анализ и позиционный анализ дают возможность в рамках социологии оценить значение важных объективных процессов, происходящих в мире (политических, экономических и иных) и влияющих на закрепление социального страдания в обществе и его объективацию в научно-исследовательском ключе.

В то же время во всех этих исследованиях, как мне представляется, отчетливо обозначена проблема операционализации социального страдания. При всем теоретическом багаже современной социологии страданий и множественности интерпретаций данного понятия оно вместе с тем на уровне выявления критериев (показателей) вызывает определенные сложности.

Было замечено, например, что наиболее значимым фактором идентификации социального страдания с целью проведения дальнейших эмпирических исследований является так называемая просоциальность [35]. В этом случае истоком соци-

ального страдания становятся не конкретные факты и обстоятельства человеческого бытия, а просоциальные эффекты, связанные с утратой тех или иных ценностей и норм, к примеру в условиях аномии или смены ценностей либерального толка в западноевропейской традиции на ценности тотальной глобализации и модернизации (технократические ценности). При таком положении дел, по мнению Д. Лим (D. Lim), следует использовать «инверсивную» операционализацию социального страдания, когда показатели, переменные и индикаторы смещаются в плоскость фактического результата страдания. Таким результатом становится кризис в любой из сфер жизни и последующий за ним всплеск социального страдания [35]. По сути, ход эмпирического исследования, продиктованный данным исследовательским направлением, определяется предзаданностью социального страдания, его просоциальностью.

Но не только в этом заключаются сложности. Они указывают на то, что в эмпирических исследованиях операционализация ключевого понятия осуществляется с выделением смешанных показателей, которые характерны и для других, схожих с социальным страданием явлений. Выше уже отмечалось, что таковыми явлениями могут быть социальная тревожность, социальные страхи и т. д. Казалось бы, при такой сколько-нибудь выраженной тождественности показателей имеет смысл идентифицировать социальное страдание по значимым для него переменным и индикаторам, но и в этом случае не всегда удается обнаружить отчетливые признаки, соответствующие именно рассматриваемому явлению. Здесь мне хотелось бы привести показательный пример качественного феноменологического исследования, имеющего целью изучение взглядов взрослых палестинцев на социальное страдание.

Данное исследование несколько выбивается из канвы американско-европейского контекста исследований социального страдания, однако я посчитал возможным обратиться к нему для демонстрации сложностей с операционализацией ключевого понятия. В упоминаемом исследовании его авторы, по сути, используют следующие показатели социального страдания:

- 1) трудная жизненная ситуация, в которой оказались индивиды (палестинцы испытывают сложности во время пересечения контрольно-пропускного пункта в местности Каландия);
- 2) ограниченность возможностей для выхода из такой ситуации (палестинцы вынуждены подчиняться строгим требованиям пограничного контроля);
- 3) эмоциональный фон, связанный с переживаниями по поводу конкретной ситуации (люди в основном переживают из-за сомнений в возможности беспрепятственного возвращения на родину) [36].

Исходя из предложенных формулировок, мы не можем с достаточной степенью уверенности установить, что речь в исследовании идет именно о социальном страдании, поскольку приблизительно такие же показатели называются в отношении изучения социальных страхов и социальных фобий [37]. С другой стороны, не вносит ясности и выделение соответствующих переменных и индикаторов палестинского исследования. Например, одна из переменных выражена следующим образом: «оказание поддержки людям в трудной жизненной ситуации», в то же время корреспондирующий с ним индикатор — «улучшение социального самочувствия» и т. д. [36]. Со всей очевидностью мы наблюдаем в данном случае нечеткость

в идентификации социального страдания (к тому же в формулировке индикатора появляется и самостоятельный феномен, имеющий смысловую нагрузку, отличную от социального страдания, — социальное самочувствие). Можно ли в таком случае рассчитывать на получение верифицируемых результатов?

Некоторые сложности в проведении конкретных эмпирических исследований социального страдания

В зарубежных исследованиях конца XX — начала XXI в. социальное страдание часто скрывалось в ряду других более популярных для науки объектов изучения, например социальной тревожности, социального страха, социального опасения. Объяснить такое положение дел можно сравнительно простым обстоятельством: понятие социального страдания является сложным по смыслу и на теоретическом уровне с трудом поддающимся идентификации — по крайней мере в исследованиях социальное страдание часто не разграничивается со страданием индивидуальным. Очевидно, что сложности могут возникнуть и на эмпирическом уровне. Так, в опросе медицинских работников некоторых мемориальных больниц в крупных городах США (2010 г.) «Социальное страдание: актуальность для врачей» (число респондентов: 231) было выявлено, что медики практически не разделяют социальное страдание и боль, шок, эмоциональную нестабильность, при этом в качестве основного признака социального страдания ими называется массовость: «... поскольку пациенты находятся в условиях больницы, они априори испытывают боль, значит, они подвержены социальному страданию», — именно такая интерпретация предлагается в качестве объяснения массовости как критерия страдания¹. Отчасти данная особенность отражена в другом исследовании, в котором приводятся данные о проведенном в 2016 г. опросе работников 223 психосоматических центров Германии (число респондентов: 172) с целью выявить отношение к социальному страданию, прежде всего указав на его существенные признаки; большая часть участников исследования в качестве основного признака выделила «количественный охват» страданием: «... чем большее число людей попадает под распространение социального страдания, тем большими эффектами оно может проявляться, при этом манифестация социального страдания определяется не рангом его субъекта, а именно численным превосходством самих страдающих»². Количественный аспект, пожалуй, дает представление о масштабе присутствия социального страдания в обществе или социальных группах, но не позволяет судить о качественных характеристиках данного явления. Кроме того, предыдущий анализ проблемы на теоретическом уровне в настоящей статье показывает, что признак массовости не является ключевым и скорее выполняет факультативную роль.

В ряде конкретных исследований проблематизация социального страдания в основном связывалась с определением его границ. Так, возрастание социального страдания отмечалось в условиях заметных экономических, политических кризисов, сопровождающихся катастрофизацией событий. Оценки масштаба социаль-

¹ См.: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.7f842859-62427f12-25a9f721-74722d776562/https/www.bmj.com/content/315/7123/1634 (дата обращения: 21.03.2022).

² См.: https://hscif.org/wp-content/uploads/2018/12/Flick_Work-Related-Suffering-as-Social-Suffering_Research-Advances.pdf (дата обращения: 01.02.2022).

ного страдания при таком подходе отличаются от предыдущих, в основе которых лежит признак массовости. Отправная точка (или триггер) социального страдания: оно имеет свойство локализоваться при наступлении определенных условий или закономерностей. Ответы на вопрос о том, как глубоко социальное страдание проникает в общество и отдельные группы при возникновении кризисов, могут быть получены в ходе проведения некоторых эмпирических исследований, осуществленных по принципам многоцентровых опросов с последующим межстрановым сравнительным анализом полученных результатов.

В этой связи в научный обиход даже было введено специальное понятие фронта социального страдания, отражающее характер динамики социальных процессов в глобальном или конкретно-территориальном локусе [38]. Фронт межстрановых обобщений продемонстрировал привязку возросшего социального страдания к зонам экономического и политического неблагополучия. Даниэль Лим, приводя в своей работе обзор таких эмпирических исследований, обращает внимание на тот факт, что в странах Европы и Америки уровни социального страдания различаются в силу специфики проявлений экономической рецессии, проходящей перманентно в различные отрезки времени конца XX — начала XXI в. и достигшей своего пика к 2005–2010 гг., при этом, с точки зрения автора, в некоторых странах возможности оперативного регулирования экономических проблем серьезным образом сглаживали проявления социального страдания, вызванного потерей средств к существованию и ожиданием худших времен [35].

Можно ли использовать указанные результаты для понимания особенностей социального страдания в зависимости от его ограниченности или, напротив, распространности? Полагаю, что предложенный автором ракурс исследования вполне позволяет это сделать: с одной стороны, более очевидны причины социального страдания в перманентных экономических и политических сложностях человеческого коллективного и индивидуального бытия, а с другой стороны, как оказалось, границы социального страдания могут буквально совпадать с границами территорий конкретных государств. Масштабирование социального страдания в этом смысле приобретает вполне реальные пределы и отчасти даже становится элементом геополитических и глобализационных исследований. Конкретизируя данный нюанс, можно обратиться к некоторым выводам, полученным в результате сопоставления уровней социального страдания в межстрановом формате. Интервью с экспертами (всего 230 интервью) — представителями дипломатических миссий, организаций Красного Креста, международных фондов и коллабораций по исследованию международной политики по поводу распространности социального страдания в привязке к территории, обобщенные Э. Рено (E. Renault), продемонстрировали, в частности, что накал политических событий в подавляющем большинстве случаев приводит к социальному страданию, которое уже прочно закрепляется за определенным типом отношений в обществе и в государстве. Так, например, во Франции в 2010–2015 гг. в связи с реформами трудового законодательства с перевесом прав в пользу работодателей, а также в Польше по причине смены руководства страной в 2005 г. и последовавшего за ней пересмотра политического курса в пользу глобализационных ценностей социальное страдание, по оценкам экспертов, возросло так существенно, что никакие более либеральные действия властей уже не смогли устранить данное явление [39, p. 170–172]. При этом Эммануэль Рено отмечает, что интервью, конечно, дает некото-

рое представление о распространенности социального страдания, однако оно явно нуждается в дополнении: необходимо выявить позицию и самих страдающих, узнать их принадлежность к стране и группе, в конечном итоге соотнести данные интервью и опроса для полноты картины [39, p. 172].

Заслуживает внимания также эмпирическое исследование, проведенное в 2012 г. на базе Кентского университета (Великобритания) с целью определения экономических параметров социального страдания в межстрановом сопоставлении. Результаты настолько детально представляют эффект экономической отдачи, что складывается впечатление идентичности процессов экономического развития и социального страдания. Конечно, в буквальном смысле такие параллели установить чрезвычайно сложно, тем не менее авторы исследования на основе сплошного анализа статистических и эконометрических данных за более чем десятилетний период (2001–2011 гг.) приходят к следующему основному выводу: в странах Европы, теряющих более 1 % ВВП ежегодно в рассматриваемый отрезок времени из-за деградации инструментов бюджетирования и государственно-региональной экономической политики, уровень социального страдания возрастает пропорционально этому показателю примерно на 7,5 % (при этом такой уровень идентифицировался по снижению потребительского поведения населения, увеличению числа письменных жалоб в государственные и муниципальные инстанции, падению мерных индексов качества жизни и социального благополучия и т. д.). Примечательно, что 8 из 10 европейских стран, попавших в выборку, демонстрировали снижение индексов ВВП на душу населения более 1 %, а расчетные параметры позволяли зафиксировать в этих странах признаки социального страдания³. Как видим, исследователи в приведенных материалах делают акцент на объектном ракурсе социального страдания, возникающего среди населения или общества, находящихся под давлением тех или иных динамичных показателей развития государства, его политики и экономики.

В некоторых исследованиях 2020–2022 гг. при всей показательности их итоговых результатов, зарегистрировавших высокий уровень распространения социального страдания (в основном в связи с коронавирусной инфекцией), сложность представляет дифференциация данного явления по отношению к иным, смежным с ним феноменам, например социальной боли, социальной тревожностью и т. д.⁴ Подобная тенденция нередко обнаруживается и в прикладных социологических исследованиях, опирающихся на социально-политические и социально-экономические механизмы причинения социального страдания⁵. Но в этих случаях социальное страдание все-таки сложно подменить иными социальными практиками или явлениями. А когда дело касается исследований сущности социального страдания, его ценностно-нормативной природы, объектно-субъектного содержания, то сложности возникают не так уж редко. Однако указанные сложности можно преодолеть, если ориентироваться на выводы

³ См.: <https://www.fao.org/3/t1660e/t1660e02.htm> (дата обращения: 02.01.2022).

⁴ Результаты исследования аккумулировались на основании открытого обсуждения эффектов социального страдания и социальной боли в различных социальных сетях: Global Social Media Research Summary: 2021/2022 Penetration & Impact (<https://research.com/education/global-social-media-research>) (дата обращения: 11.12.2021).

⁵ См.: The Global Risks Report 2022. 17th Edition. Insight Report: https://journal.ecostandardgroup.ru/upload/iblock/bb5/WEF_The_Global_Risks_Report_2022.pdf (дата обращения: 14.03.2022).

4–7-й волн Всемирного изучения ценностей (1999–2021 гг.) (World Values Survey <WVS>), послужившие основой многомерного анализа социальной информации. Выборки для такого масштабного среза ценностей репрезентативны по странам, являются квотными по полу и возрасту респондентов. Результаты исследования представлены в открытом доступе⁶ и дают возможность давать различные интерпретации полученных социальных данных для широкого круга научных работ. Как оказалось, для идентификации социального страдания следует взять за основу ценностно-нормативные комплексы, которые были представлены в матрицах указанных волн WVS; в них напрямую речь не идет о социальном страдании, однако «страдательные ценности» появляются в ряду других, таких как жизнестойкость, свобода, сила духа, единение и т. д. («ценности преодоления»), утрата здоровья, недоверие власти и окружающим, бесперспективность и др. («ценности-антиценности»). Для межстранового исследования они не попадают в профиль интерпретаций, а вот для цели операционализации рассматриваемого мной ключевого понятия вполне подходят. Поэтому для проведения соответствующих эмпирических исследований социального страдания мной была разработана следующая матрица (см. таблицу).

Содержание понятия «социальное страдание»

Показатели	Переменные	Индикаторы
Отношение к индивидуальной человеческой жизнедеятельности	Неудовлетворенность качеством повседневной жизни	Критика устойчивых ценностей и норм
Отношение к коллективной человеческой жизнедеятельности	Неустойчивость социальных связей	Кризис жизнестойкости и безопасности
Отношение к социальным институтам и социальным практикам	Недоверие к происходящим изменениям в обществе	Взаимодействие с властью и общественными организациями

Как видим из данных таблицы, совокупность приведенных индикаторов позволяет в полной мере идентифицировать социальное страдание на основании смещения полюсов в ценностно-нормативном комплексе человеческого бытия с очевидным кризисом ключевых ценностей, необходимых для преодоления страдания (например, жизнестойкости, безопасности и др.).

Заключение

В зарубежной социологии страданий обнаруживаются три основные тенденции:

1) конкретизация социального страдания как феномена социальной реальности, связанная с необходимостью определения круга субъектов, чьи действия направлены на причинение страдания; уход от философской и психологической трактовки страдания как экзистенции или особого состояния психики индивида;

⁶ См.: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (дата обращения: 12.03.2022).

актуализация проблематики социальной боли, опасности и риска как предвестников социального страдания;

2) в эмпирическом плане заметна ориентация на применение качественных методов исследования с акцентом на социокультурном подходе, при этом социальное страдание рассматривается как фактор консолидации или, напротив, разобщенности людей, социальных групп и обществ;

3) количественные исследования в основном отражают прочную связь социального страдания с переменами социально-политического и социально-экономического характера.

Примечательным обстоятельством концептуализации зарубежной социологии страданий можно считать усиление ее позиций в условиях страдательной эпохи, характерной для смены столетий (XX–XXI вв.) и часто соотносимой с катастрофизацией социальных, политических и экономических процессов в мире. Такие процессы находятся и в основе порождения социального страдания, а конкретные субъекты, чьи действия связаны с указанными сферами человеческого бытия, обладают качествами причинителей социального страдания.

Важной перспективой исследования является оценка роли отечественного опыта в концептуализации социологии страданий. Цель работы в данном случае будет заключаться не столько в том, чтобы оценить преимущества тех или иных концепций социального страдания в зарубежном и российском контексте, сколько показать различия в субъектности и причинах социального страдания.

Литература

1. *Furedi F.* Culture of Fear: Risk-Taking and the Morality of Low Expectation. London: Cassell, 1997.
2. *Flick S.* Research Advances: Work-Related Suffering as Social Suffering [Электронный ресурс]. URL: https://hscif.org/wp-content/uploads/2018/12/Flick_Work-Related-Suffering-as-Social-Suffering_Research-Advances.pdf (дата обращения: 31.05.2022).
3. *Herzog B.* Suffering as an anchor of critique. The place of critique in critical discourse studies // *Critical Discourse Studies*. 2017. Vol. 15, no. 3. P. 1–12.
4. *Мюллер-Лиер Ф.* Социология страданий. М; Л.: Земля и фабрика, 1925.
5. *Грицков Ю.В.* Страдание как сущностное свойство человеческой ситуации // *Вестник КемГУ. Гуманитарные и общественные науки*. 2019. Т. 3, № 1. С. 49–54.
6. *Бердышева Е.С., Соколова А.А.* Измерения страдания в социальных науках: случай онкологических заболеваний // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2018. Т. 126, № 1–2. С. 153–165.
7. *Макеева Т.В.* Концепт «человека страдающего» в социальной работе // *NOVAINFO.RU*. 2016. Т. 1, № 40. С. 226–229.
8. *Гончарук Е.А.* В чем актуальность проблемы страдания? // *Философская мысль*. 2014. № 6. С. 1–14.
9. *Симонова О.А.* Исследование страдания и зла в социологической традиции Дюркгейма (сводный реферат) // *Социологический ежегодник*. 2013. Т. 2012. С. 312–343.
10. *Wilkinson I.* Suffering: A Sociological Introduction. Cambridge: Polity, 2014.
11. *Kleinman A.* The Illness Narratives: Suffering, Healing and the Human Condition. New York: Basic Books, 1988.
12. *Fleming M. A.* Common Sense Practice in an Uncommon World. *Clinical Reasoning: Forms of Inquiry in Therapeutic Practice*. Philadelphia: F. A. Davis Press, 2012.
13. *Good B. J.* Medicine, Rationality, and Experience. *An Anthropological Perspective*. New York: Cambridge University Press, 2014.
14. *Moeller S.* Compassion Fatigue. London: Routledge, 2007.
15. *Wilkinson I.* Thinking with suffering // *Cultural Values*. 2001. Vol. 5, no. 4. P. 421–444.

16. *Morgan D. G., Wilkinson I.* The problem of suffering and the sociological task of theodicy // *European Journal of Social Theory*. 2008. No. 4 (2). P. 199–214.
17. *Lupton D.* Risk. London: Routledge, 2009.
18. *Sontag S.* Regarding the Pain of Others. London: Hamish Hamilton, 2003.
19. *Das V.* Sufferings, theodicies, disciplinary practices, appropriations // *International Journal of Social Science*. 2016. No. 49. P. 563–578.
20. *O'Malley P.* Risk, Uncertainty and Government. London: Glasshouse Press, 2020.
21. *Eisenberger N. I.* The pain of social disconnection: examining the shared neural underpinnings of physical and social pain // *Nature Reviews Neuroscience*. 2012. No. 13. P. 421–434.
22. *Flores R.* Making sense of suffering: Insights from buddhism and critical social science // *World Suffering and the Quality of Life* / Ed. R. E. Anderson. Berlin: Springer, 2015. P. 63–75.
23. *Pidgeon N., Kasperson R. E., Slovic P.* The Social Amplification of Risk. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
24. *Scheper-Hughes N.* Undoing: Social suffering and the politics of remorse in the New South Africa // *Social Justice*. 2008. Vol. 25, no. 4. P. 114–142.
25. *Bourdieu P., Accardo A.* The Weight of the World: Social Suffering in Contemporary Life. Cambridge: Polity Press, 1999.
26. *Boltanski L.* Distant Suffering: Morality, Media and Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
27. *Frank A. W.* Can we research suffering? // *Qualitative Health Research*. 2011. Vol. 11, no. 3. P. 353–362.
28. *Douglas M.* Risk and Blame: Essays in Cultural Theory. London: Routledge, 2002.
29. *Heimer C. A.* Social structure, psychology and the estimation of risk // *Annual Review of Sociology*. 2015. No. 14. P. 491–519.
30. *Riva P., Brambilla M., Vaes J.* Bad guys suffer less (social pain): Moral status influences judgements of others' social suffering // *British Journal of Social Psychology*. 2016. No. 55 (88). P. 108–114.
31. *Morris D.* Illness and Culture in the Postmodern Age. Berkeley: University of California Press, 1998.
32. *Morris D.* About Suffering: Genre Voice, and Moral Community // Kleinman A., Das V., Lock M. (eds). *Social Suffering*. Berkeley: University of California Press, 2010. P. 25–45.
33. *Morris D.* The Culture of Pain. Berkeley: University of California Press, 2016.
34. *Petersen A., Barns I., Dudley J., Harris P.* Poststructuralism, Citizenship and Social Policy. London: Routledge, 1999.
35. *Lim D.* The Influence of Suffering, Social Class, and Social Power on Prosociality: An Empirical Review. Empathy-An Evidence-based Interdisciplinary Perspective, 2017. URL: <https://www.intechopen.com/chapters/55622> (дата обращения: 15.02.2022).
36. *Nagamey N. M., Goldner L., Lev-Wiesel R.* Perspectives on social suffering in interviews and drawings of Palestinian adults crossing the Qalandia checkpoint: A qualitative phenomenological study // *Frontiers in Psychology*. 2018. No. 9. P. 1591–1602.
37. *Knappe S., Beesto-Baum K., Fehm L., Stein M. B.* Social fear and social phobia types among community youth: Differential clinical features and vulnerability factors // *Journal of Psychiatric Research*. 2011. Vol. 45, no. 1. P. 111–120.
38. *Gil R., Zanarone G.* New frontiers in the empirical research on informal contracting // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 2016. Vol. 172, no. 2. P. 390–407.
39. *Renault E.* The Political Philosophy of Social Suffering // De Bruin B., Zurn C. F. (eds). *New Waves in Political Philosophy*. London: Palgrave Macmillan, 2009. P. 158–176.

Статья поступила в редакцию 28 апреля 2022 г.;
рекомендована к печати 30 июня 2022 г.

Контактная информация:

Попов Евгений Александрович — д-р филос. наук, проф.; popov.eug@yandex.ru

The potential of modern foreign sociology in the study of social suffering

E. A. Popov

Altai State University,
61, pr. Lenina, Barnaul, 656049, Russian Federation

For citation: Popov E. A. The potential of modern foreign sociology in the study of social suffering. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2022, vol. 15, issue 3, pp. 206–223. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.302> (In Russian)

The article focuses on the conceptualization of the sociology of suffering. The foreign experience of the development of the sociology of suffering in theoretical and applied aspects is considered. Modern researchers in understanding social suffering focus on psychological or anthropological interpretations, but the potential of the relevant branch of sociological knowledge is increasing over time. Meanwhile, the scientific problem is connected with two circumstances, which are reflected in this article. First, we are talking about the need to concretize the role of sociology in the study of the phenomenon of social suffering. Often the prevailing philosophical and psychological interpretations of suffering do not allow this to be done. In them, social suffering appears as an existential state of individuals or a phenomenon of their emotional and sensual tension and experience. However, in sociology, suffering needs to be objectified and considering it only as an existence cannot be productive for relevant sociological research. Secondly, modern studies of social suffering are mainly interdisciplinary in nature and do not reflect the special role of sociology in them. The article shows that the foreign sociology of suffering draws attention to a fairly wide range of phenomena associated with the emergence of social suffering. Here we mean the civilizational aspect, value-normative, socio-cultural and others. The role of qualitative and quantitative methods in the study of social suffering is also assessed. Qualitative methods (for example, event analysis, intentional analysis, and others) allow us to present social suffering through the prism of object-subject relations. In this regard, some modern studies of social suffering are analyzed, which allow us to talk about the active development of the relevant branch of sociological knowledge.

Keywords: social suffering, sociology of suffering, causes of suffering, social pain.

References

1. Furedi F. *Culture of Fear: Risk-Taking and the Morality of Low Expectation*. London, Cassell, 1997.
2. Flick S. *Research Advances: Work-Related Suffering as Social Suffering*. Available at: https://hscif.org/wp-content/uploads/2018/12/Flick_Work-Related-Suffering-as-Social-Suffering_Research-Advances.pdf (accessed: 31.05.2022).
3. Herzog B. Suffering as an anchor of critique. The place of critique in critical discourse studies. *Critical Discourse Studies*, 2017, vol. 15, no. 3, pp. 1–12.
4. Müller-Lyer F. *Sociology of suffering*. Moscow; Leningrad, Zemlia i fabrika Publ., 1925. (In Russian)
5. Gritskov Y. V. Suffering as an essential property of a human situation. *Vestnik KemGU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, vol. 3, no. 1, pp. 49–54. (In Russian)
6. Berdysheva E. S., Sokolova A. A. Measurements of suffering in social sciences: A case of oncological diseases. *Vestnik obshchestvennogo mneniia. Dannye. Analiz. Diskussii*, 2018, vol. 126, no. 1–2, pp. 153–165. (In Russian)
7. Makeeva T. V. The concept of a “suffering person” in social work. *NOVAINFO.RU*, 2016, vol. 1, no. 40, pp. 226–229. (In Russian)
8. Goncharuk E. A. What is the relevance of the problem of suffering? *Filosofskaia mysʹ*, 2014, no. 6, pp. 1–14. (In Russian)
9. Simonova O. A. The study of suffering and evil in the sociological tradition of Durkheim (summary abstract). *Sociologicheskii ezhegodnik*, 2013, vol. 2012, pp. 312–343. (In Russian)
10. Wilkinson I. *Suffering: A Sociological Introduction*. Cambridge, Polity, 2014.

11. Kleinman A. *The Illness Narratives: Suffering, Healing and the Human Condition*. New York, Basic Books, 1988.
12. Fleming M. A. *Common Sense Practice in an Uncommon World. Clinical Reasoning: Forms of Inquiry in Therapeutic Practice*. Philadelphia, F. A. Davis Press, 2012.
13. Good B. J. *Medicine, Rationality, and Experience. An Anthropological Perspective*. New York, Cambridge University Press, 2014.
14. Moeller S. *Compassion Fatigue*. London, Routledge, 2007.
15. Wilkinson I. Thinking with suffering. *Cultural Values*, 2001, no. 5 (4), pp. 421–444.
16. Morgan D. G., Wilkinson I. The problem of suffering and the sociological task of theodicy. *European Journal of Social Theory*, 2008, no. 4 (2), pp. 199–214.
17. Lupton D. *Risk*. London, Routledge, 2009.
18. Sontag S. *Regarding the Pain of Others*. London, Hamish Hamilton, 2003.
19. Das V. Sufferings, theodicies, disciplinary practices, appropriations. *International Journal of Social Science*, 2016, no. 49, pp. 563–578.
20. O'Malley P. *Risk, Uncertainty and Government*. London, Glasshouse Press, 2020.
21. Eisenberger N. I. The pain of social disconnection: examining the shared neural underpinnings of physical and social pain. *Nature Reviews Neuroscience*, 2012, no. 13, pp. 421–434.
22. Flores R. Making sense of suffering: Insights from Buddhism and critical social science. *World Suffering and the Quality of Life*. Ed. R. E. Anderson. Berlin, Springer, 2015, pp. 63–75.
23. Pidgeon N., Kasperson R. E., Slovic P. *The Social Amplification of Risk*. Cambridge, Cambridge University Press, 2019.
24. Scheper-Hughes N. Undoing: Social Suffering and the Politics of Remorse in the New South Africa. *Social Justice*, 2008, vol. 25, no. 4, pp. 114–142.
25. Bourdieu P., Accardo A. *The Weight of the World: Social Suffering in Contemporary Life*. Cambridge, Polity Press, 1999.
26. Boltanski L. *Distant Suffering: Morality, Media and Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999.
27. Frank A. W. Can we research suffering? *Qualitative Health Research*, 2011, vol. 11, no. 3, pp. 353–362.
28. Douglas M. *Risk and Blame: Essays in Cultural Theory*. London, Routledge, 2002.
29. Heimer C. A. Social structure, psychology and the estimation of risk. *Annual Review of Sociology*, 2015, no. 14, pp. 491–519.
30. Riva P., Brambilla M., Vaes J. Bad guys suffer less (social pain): Moral status influences judgements of others' social suffering. *British Journal of Social Psychology*, 2016, no. 55 (88), pp. 108–114.
31. Morris D. *Illness and Culture in the Postmodern Age*. Berkeley, University of California Press, 1998.
32. Morris D. About Suffering: Genre Voice, and Moral Community. In: Kleinman A., Das V., Lock M. (eds). *Social Suffering*. Berkeley, University of California Press, 2010, pp. 25–45.
33. Morris D. *The Culture of Pain*. Berkeley, University of California Press, 2016.
34. Petersen A., Barns I., Dudley J., Harris P. *Poststructuralism, Citizenship and Social Policy*. London, Routledge, 1999.
35. Lim D. *The Influence of Suffering, Social Class, and Social Power on Prosociality: An Empirical Review. Empathy-An Evidence-based Interdisciplinary Perspective*, 2017. Available at: <https://www.intechopen.com/chapters/55622> (accessed: 15.02.2022).
36. Nagamey N. M., Goldner L., Lev-Wiesel R. Perspectives on social suffering in interviews and drawings of Palestinian adults crossing the Qalandia checkpoint: A qualitative phenomenological study. *Frontiers in Psychology*, 2018, no. 9, pp. 1591–1602.
37. Knappe S., Beesto-Baum K., Fehm L., Stein M. B. Social fear and social phobia types among community youth: Differential clinical features and vulnerability factors. *Journal of Psychiatric Research*, 2011, no. 45 (1), pp. 111–120.
38. Gil R., Zaranone G. New frontiers in the empirical research on informal contracting. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 2016, no. 172 (2), pp. 390–407.
39. Renault E. The political philosophy of social suffering. In: de Bruin B., Zurn C. F. (eds). *New Waves in Political Philosophy*. London, Palgrave Macmillan, 2009, pp. 158–176.

Received: April 28, 2022

Accepted: June 30, 2022

Author's information:

Evgeniy A. Popov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; popov.eug@yandex.ru